

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 477–481

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 477–481

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

Научная статья

УДК [94(4/5:470+571)|13]+929Узбек-хан]:930(=111)

Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии

Т. Г. Имамов

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1

²Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Россия, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, д. 7А

Имамов Тимур Гайсович, ¹ассистент кафедры истории Татарстана, ²аспирант, timur.imamov.2000@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>, AuthorID: 1265511

Аннотация. В статье рассматриваются исторические исследования, посвященные деятельности золотоордынского хана Узбека по отношению к русским княжествам. Этот хан известен тем, что при его правлении началось активное вмешательство в дела русских княжеств, и с его именем связывают начало возвышения Москвы. На основе проведенного анализа определяется степень изученности данной темы англоязычными историками, а также определяется круг вопросов, находящихся в центре их внимания.

Ключевые слова: Монгольская империя, Тверское восстание 1327 года, Иван Калита, Московское княжество, Галицко-Волынская Русь, Кончака, Чолхан

Для цитирования: Имамов Т. Г. Политика золотоордынского хана Узбека по отношению к русским землям в англоязычной историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 477–481. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The policy of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian lands in English-language historiography

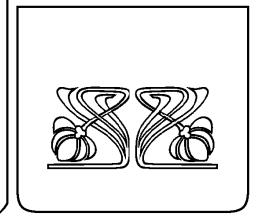
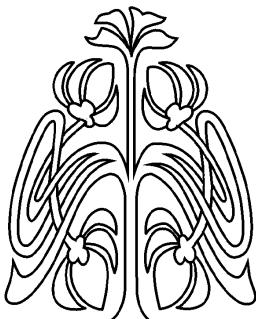
T. G. Imamov

¹Kazan (Volga region) Federal University, building 1, 18 Kremlevskaya St., Republic of Tatarstan, Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia

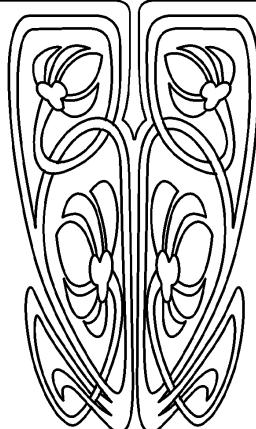
²Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7A Baturin St., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russia

Timur G. Imamov, timur.imamov.2000@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0006-0605-4239>, AuthorID: 1265511

Abstract. The article examines historical studies devoted to the activities of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian principalities. This khan is noted for the fact that during his reign active interference in the affairs of the Russian principality began and the beginning of the rise of

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Moscow is associated with the name of this khan. Based on the analysis conducted, the degree of study of this topic by English-speaking historians and also the range of issues, that are at the center of their attention, are determined.

Keywords: The Mongol Empire, the Tver Uprising of 1327, Ivan Kalita, the Moscow Principality, Galician-Volyn Rus, Konchaka, Cholkhan

For citation: Imamov T. G. The policy of the Golden Horde Khan Özbek in relation to the Russian lands in English-language historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 477–481 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-477-481>, EDN: FGPPZC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политика золотоординского хана Узбека по отношению к русским княжествам остается важной темой для изучения в рамках англоязычной историографии. В последние десятилетия в академических кругах Европы и США наблюдается интерес к Золотой Орде как интегральной части Евразийской истории, а не только завоевательной силы. Такой подход к истории Золотой Орды в англоязычной историографии сформировала евразийская школа в лице Георгия Владимировича Вернадского и других представителей русской эмиграции 1920-х гг. Евразийцы считали Улус Джучи синтезом разнородных элементов, особым географическим миром, включающим Русь и Степь, созданным в результате деятельности Чингисхана и его наследников, внутри которого шли сложные процессы. В частности, именно Г. В. Вернадский рассматривал историю Руси в период Золотой Орды и ее роли в судьбах России [1, с. 28].

В англоязычной историографии всё чаще пересматриваются устоявшиеся представления о роли Улуса Джучи и его политике в отношении зависимых государств. Вместо образа угнетателя исследователи видят в Золотой Орде сложную политическую систему, включавшую элементы выгодного сотрудничества с русскими княжествами. Изучение взаимодействий между русскими княжествами и Золотой Ордой позволяет глубже понять исторические корни межгосударственных отношений в Восточной Европе и Евразии. В свете современных дискуссий о влиянии ординского владычества на развитие России данная тема приобретает дополнительную актуальность.

Переходя к анализу начального этапа правления Узбека в качестве хана Золотой Орды, следует отметить значительный вклад исследователя истории ислама в Центральной Азии Девина Девиза. В своем труде «*Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*» («Исламизация и местная религия в Золотой Орде: Баба Тюклес и обращение в ислам в исторической и эпической традиции») он лишь кратко освещает взаимоотношения между Золотой Ордой и русскими княжествами, рассматривая их сквозь призму принятия Узбеком ислама. Ссылаясь на русские летописи, Д. Девиз указывает, что хан обратился в ислам в 1313 г. При этом русские летописцы и авторы

агиографических текстов акцентировали внимание на мусульманском статусе Узбека, используя его для формирования негативного образа хана. Такой образ, воспринимающийся как угрожающий и враждебный, укоренился в народной памяти и сохранялся даже в тех случаях, когда личность Узбека не отождествлялась непосредственно с исламом. Д. Девиз подчеркивает, что именно с правления хана Узбека началось подобное восприятие, приводя в подтверждение мнения Чарльза Гальперина, Владимира Ивановича Малышева, данные Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) и других источников [2, р. 94].

Мари Фаверо в анализе политики Золотой Орды в отношении русских княжеств отмечает, что до правления Узбека ординские ханы придерживались стратегии невмешательства. Однако влияние Узбека на русскую политику оказалось столь значительным, что привело к масштабным историческим изменениям [3, р. 302]. Схожей позиции придерживается Г. Вернадский в своем труде «*The Mongols and Russia*» («Монголы и Русь»), где он указывает, что политика Узбека была менее конструктивной, чем у Токты. Последний стремился предотвратить консолидацию русского государства, поддерживая баланс между Москвой и Тверью [4, р. 199].

Лео де Хартог, опираясь на исследования Г. Вернадского, в своем труде «*Russia and the Mongol Yoke*» («Русь и Монгольское иго») четко разграничивает владения Узбека и земли русских княжеств, указывая на различие «между населением его государства и русскими» [5, р. 79]. Кроме того, де Хартог, опираясь на немецкую историографию в лице Бертольда Шпулера, Пауля Ниче и Эккхарда Клюга затрагивает сюжет со сменой фокуса хана Узбека на русские земли после того, как был установлен мир между Улусом Джучи и Ильханидским Ираном. В этот период обостряется противостояние между Тверью и Москвой, и хан поддерживает московского претендента Юрия Даниловича, оказывая ему высокую честь – отдавая в жены свою сестру Кончаку (в крещении Агафья).

Аналогичную точку зрения выражает М. Фаверо, отмечая, что выдача ханской сестры замуж за князя свидетельствует о большом уважении к русским, поскольку «монголы неохотно отрывали своих дочерей от степного мира» [3, р. 303]. В стремлении получить титул великого князя Юрий Данилович выступает против Твери, имея

поддержку ордынских войск под предводительством Кавгадыя. В этом сражении тверской князь Михаил Ярославич одерживает победу, но его попытка заручиться поддержкой ордынских войск оказывается безуспешной. В ходе битвы погибает ханская сестра Кончака.

Однако в отношении титула Кавгадыя существуют неточности: Мартин Джанет называет его «general», что не совсем точно передает его статус [6, р. 130]. М. Джанет является автором «Medieval Russia, 980–1584» («Средневековая Русь, 980–1584»), где лишь кратко рассматривается период правления Узбека. Она проводит четкое разграничение между русскими княжествами и Золотой Ордой, называя их «the land of Rus» в контексте дипломатических и торговых отношений улуса Джучи при Узбеке, несмотря на их экономическую зависимость [6, р. 131]. Это явление она обозначает термином «Mongol suzerainty», что можно перевести как «монгольский суверенитет» [7, р. 221]. В свою очередь, Ч. Гальперин предлагает иную интерпретацию, называя русские княжества «вассальным государством» (vassal state) [8, р. 54].

В междуусобный конфликт русских княжеств вмешивается православная церковь, представителем которой выступает новгородский епископ. Он советует князьям отправиться в Сарай, чтобы лично изложить хану свои взаимные претензии. По рекомендации ханского посла Кавгадыя, в 1318 г. стороны отправляются в столицу Улуса Джучи. На суде Михаилу предъявляют обвинения в уклонении от выплаты дани, сопротивлении ханскому послу Кавгадыю, а также в причастности к смерти ханской дочери Кончаки. Приговор выносится в конце 1318 г. – тверского князя казнят. Опираясь на данные Новгородской первой летописи, М. Фаверо уточняет дату казни – ноябрь 1318 г. Михаил был погребен вблизи Дербента на Кавказе, однако позже его останки были перевезены в Тверь, где он был канонизирован православной церковью. Л. де Хартог в этом вопросе снова обращается к работам немецких историков, в частности Д. Фенеля, П. Ниче и Э. Клюга. Несмотря на то, что Юрий Данилович сохранил велиокняжеский ярлык, Золотая Орда начала военный поход в русские земли из-за задолженности по дани. М. Фаверо отмечает, что именно при Узбеке был нарушен династический принцип наследования власти [3, р. 307; 5, р. 85]. Соседние князья Твери, Пскова, Белоозера, Ярославля и Ростова воспринимали московскую династию Даниловичей как узурпаторов и предпочитали подчиняться хану, нежели московскому князю. Воспользовавшись ситуацией с невыплатой дани Юрием, тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи отправляется к Узбеку, стремясь получить ярлык на великое княжение.

Более детально эти события рассматривают в работе М. Джанет. В 1322 г., пока Юрий

находился в Новгороде, Дмитрий отправился в Золотую Орду и получил от хана Узбека ярлык на владение Владимиром. В том же году Иван Данилович сопровождал военный поход ордынского чиновника Ахмыла на Ярославль и Ростов, что вызвало возмущение ростовских князей. Юрий, собрав казну, которую, по мнению М. Джанет, он накопил в Новгороде, направился в Золотую Орду. Однако на пути его подстерег Александр Михайлович, брат Дмитрия, который похитил деньги. Оставшись без средств, которые можно было бы предложить хану, Юрий был вынужден скрыться сначала в Пскове, а затем вновь укрыться в Новгороде. Тем временем в Сааре одновременно оказались и Дмитрий, и московский князь Юрий. Дмитрий, желая отомстить за смерть своего отца, убивает Юрия, что вызывает гнев Узбека [6, р. 134]. По мнению Л. де Хартога, в этом эпизоде возникает проблема интерпретации сурогового наказания Дмитрия за убийство Юрия. Автор задается вопросом: «Почему Дмитрий был столь жестоко наказан за это убийство?» [5, р. 82]. Мартин Джанет предполагает, что хан Узбек приказал казнить Дмитрия, расценив его поступок как грубое и недопустимое преступление против Юрия [7, р. 195].

В 1327 г. племянник хана Узбека Чолхан с вооруженным отрядом направился на Тверь, возможно, с целью сбора дани, как предполагает Л. де Хартог. Он также отмечает жестокость ордынских войск по отношению к местным жителям. Вспыхнуло восстание, после чего московский князь Иван Данилович (Калита) отправился в Сарай, а затем вернулся с ордынским войском для его подавления [5, р. 83]. Ч. Гальперин считает, что целью похода Чолхана был не только сбор дани, но и набор рекрутов для войны против Ильханидов в Азербайджане. По его мнению, неосмотрительное поведение Чолхана стало причиной волнений в Твери, особенно с учётом недавней казни тверского князя и его сына [8, р. 160]. Летописи, охватывающие период между смертью Батыя и Куликовской битвой, подчёркивают религиозный аспект русско-ордынских конфликтов. Это характерно и для описания восстания 1327 г. Два тверских источника начала XIV в. – «Житие Михаила Тверского» и «История Александра и тверского восстания» – придерживаются религиозно-враждебного взгляда на татар, игнорируя реальные политические отношения между Русью и Ордой. Этот подход, наряду с тем, что восстание 1327 г. никак не ослабило власть Золотой Орды, ставит под сомнение тезис о нём как о шаге к «национальному освобождению» [9, р. 102]. В то время Улус Джучи находился на пике своего могущества, и военный конфликт мог привести к катастрофе. Лишь в конце XIV в. внутренние распри ослабили Золотую Орду, что в итоге привело к Куликовскому сражению, пишет Ч. Гальперин в книге «The

Tatar Yoke: the image of the Mongols in medieval Russia» («Татарское иго: образ Монголов в средневековой Руси»). Он также подвергает критике работу В. Г. Карцова «Антиордынская политика Тверского княжества» (1974), считая её «некритичной и местами экстравагантной» [9, р. 190]. М. Джанет отмечает, что в 1331 г. Иван Данилович получил ярлык на княжение, представ перед ханом с ценными дарами и заверением в выплате дани [7, р. 196]. Ч. Гальперин в книге «Russia and the Golden Horde» («Русь и Золотая Орда») скептически относится к трактовке Тверского восстания 1327 г. Он указывает, что исследователи зачастую упускают региональные различия в политике Орды и не учитывают, что баскаки занимались не только сбором дани, но и разведкой и надзором. Тезис о подавлении восстания в знак уважения к московским князьям представляется неубедительным, поскольку первые достоверные сведения о сборе дани русскими князьями относятся лишь к третьей четверти XIV в. [9, р. 197]. С 1327 г. единой системы престолонаследия не существовало, и судьба великого княжения зависела от воли Улуса Джучи.

Княжение Юрия и Ивана Даниловичей стало возможным благодаря поддержке хана Узбека, отмечает исследователь М. Фаверо [3, р. 309]. Именно с правления Ивана Даниловича начинается постепенный подъем Москвы. По мнению Л. де Хартога, ордынский факторказал значительное влияние на возвышение Московского княжества. С времен Александра Невского московские князья признавали власть хана и его ограничения [5, р. 86]. М. Джанет выделяет две ключевые причины роста влияния Москвы, одной из которых является роль Золотой Орды. «Поскольку Даниловичи не обладали династической легитимностью, их власть полностью зависела от монгольского хана как единственного источника их правления. Эти два фактора определяли и объясняют политику Ивана Калиты (1331–1340), а также его сыновей и преемников – Семена (1340–1353) и Ивана II (1353–1359). Эта политика заключалась в подчинении Золотой Орде и утверждении власти над Новгородом. Одновременно они стремились привлечь новые внутренние источники поддержки и создать дополнительные основы легитимности», – пишет исследователь [7, р. 196]. По мнению автора, изменение внешнеполитического курса хана Узбека в начале XIV в. объясняется беспорядками в государствах Восточной Европы и усилением османов, которые расширяли свое влияние на Балканах. Ослабление власти Золотой Орды в этом регионе вынудило Узбека переключить внимание на русские княжества. Иван Данилович (Калита) получил право сбора дани и перенял монгольскую систему учета и налогообложения. Ссылаясь на исследования Б. Шпулера и Ч. Гальперина, автор отмечает, что эта система была «более эксплуататорской, чем любая известная

в России» [7, р. 197]. При Иване Калите борьба между Москвой и Тверью продолжалась. В 1338 г. тверской князь Александр получил титул великого князя. Однако, по мнению автора, хан Узбек казнил князя и его сына Федора под влиянием Ивана Калиты. У хана не было веских оснований для этой казни, поскольку назревал конфликт с Литвой, и тверской князь мог бы сыграть роль посредника. Основными методами московских князей в борьбе с соперничающими княжествами были подкуп, клевета и предательство [7, р. 198].

Ордынцы придерживались стратегии «divide et impera», поддерживая более слабую сторону в противостоянии, где Москва уступала Твери. Опираясь на немецкую историографию, Л. де Хартог отмечает, что такие отношения можно рассматривать в современных терминах как коллаборационизм [5, р. 86]. Золотая Орда не могла оставаться безучастной к нарастающему влиянию Литвы с запада и была вынуждена заключить союз с Москвой, поскольку это соответствовало интересам обеих сторон. Позиции Москвы при Иване Калите во многом укрепились благодаря предоставленному праву сбора дани и умению убедить ордынского хана в своей абсолютной лояльности политике улуса Джучи. Кроме того, М. Джанет, ссылаясь на А. Н. Насонова, указывает, что Иван Данилович значительную часть своего правления провел в ставке хана Узбека – в Сарае. В условиях династических споров между московскими, сузdalскими и тверскими князьями за великое княжение хан Узбек сделал выбор в пользу московского князя Семена [7, р. 199].

Рассматривая западные границы Золотой Орды, в частности взаимоотношения с Галицко-Волынским княжеством, следует отметить работу Питера Джексона «The Mongols and the West, 1221–1410» («Монголы и Запад, 1221–1410»). В своем труде П. Джексон называет территорию Галицко-Волынской Руси Рутенией (Ruthenia) [10, р. 205]. Галицкий князь Юрий II Болеслав, сохраняя зависимость, установленную его предшественниками Юрием I и Андреем, продолжал выплачивать дань Золотой Орде, несмотря на заключение союза с Тевтонским Орденом в 1327 г. В целом политика Галицко-Волынского княжества развивалась в двух направлениях: с одной стороны, власть князя Юрия II Болеслава, который симпатизировал латинизации и католичеству, а с другой – влияние аристократии во главе с видным боярином Дмитрием Детько, выступавшим против латинизации и поддерживавшим союз с Золотой Ордой. Польский хронист Янко из Чарнкова сообщает, что в 1340–1349 гг. ордынцы совершили разорительные походы в Сандомирскую область и предприняли безуспешную осаду Люблина, пока польский король Казимир III не остановил их на Висле. П. Джексон, помимо прочих источников,

ссылается на исследования Кнолла и Райса, а также на польские летописи «Rocznik Traski», Хронику Яна из Чарнкова и хронику Иоганна из Винтертура [10, р. 210]. После прихода к власти литовского князя Любарта Гедиминовича Золотая Орда не смогла вернуть Галицию в сферу своего влияния. Потеря контроля Орды над этими территориями подтверждается титулом Казимира III «Polonie et Russie rex», что переводится как «Король Польши и России».

Анализируя работы англоязычных историков, посвященные политике хана Узбека в отношении русских княжеств, можно заключить, что эта тема рассматривается преимущественно в контексте политической истории. В центре внимания находятся вопросы династической истории князей, военные кампании, а также их деятельность в ставке хана в Сарае. Ограниченность материала у англоязычных исследователей объясняется дефицитом источников по русско-ордынским отношениям. Основным доступным материалом остаются русские летописи, а в меньшей степени – польские хроники, которые лишь вскользь упоминают деятельность хана Узбека в Галицко-Волынской Руси. Статус русских земель англоязычные историки трактуют как отдельный от владений Джучидов, но находящийся в зависимости в рамках сюзеренитета. Л. де Хартог рассматривает улус Джучи и русские княжества как две разные политические структуры, а М. Джанет также разделяет земли Руси и Золотую Орду, определяя эти отношения как «монгольский сюзеренитет». В свою очередь, Ч. Гальперин характеризует Русь как «вассальное государство». Придерживаясь исторического ревизионизма, Ч. Гальперин подвергает критике устоявшиеся взгляды на причины и значение Тверского восстания 1327 г. Кроме того, в англоязычной историографии подчеркивается

значительная роль Золотой Орды в укреплении и возвышении Московского княжества. Этой точки зрения придерживаются такие исследователи, как М. Фаверо, Г. Вернадский и М. Джанет.

Список литературы

1. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 3 : Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань : Изд-во Института истории АН Республики Татарстан, 2009. 1051 с.
2. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde : Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.
3. Favreau M. The Horde: How the Mongols changed the world. Cambridge, Massachusetts : The Belknap press of Harvard University Press, 2021. 490 p.
4. Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, Connecticut : Yale University Press, 1953. 461 p.
5. De Hartog L. Russia and The Mongol Yoke : The history of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London : British Academic Press, 1996. 211 p.
6. Martin J. North-eastern Russia and the Golden Horde (1246–1359) // The Cambridge History of Russia : in 3 vols. Cambridge, England : Cambridge University Press, 2008. Vol. 1. P. 127–157.
7. Martin J. Medieval Russia 980–1584. Second edition. New York : Cambridge University Press, 2007. 507 p.
8. Halperin C. J. Russia and the Golden Horde : The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington : Indiana University Press, 1987. 192 p.
9. Halperin C. J. The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia. Bloomington, Indiana : Slavica Publishers, 2009. 239 p.
10. Jackson P. The Mongols and the West: 1221–1410. London ; New York : Routledge, 2005. 448 p.

Поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025